

Линь Хань, наблюдая за их поведением, не мог сдержать усмешки. Он ничего не сказал, но в душе ему стало смешно. Он ведь просто так брякнул, чтобы припугнуть, а Цзян Ян и остальные, хоть и устроили переполох, действовали из лучших побуждений.

— Да что вы творите? Я же просто так сказал. Неужели вы думали, что в нашей семье вас и впрямь съедят? — произнёс Линь Хань и, заметив, как Цзян Ян облегчённо вздохнул, добавил: — В худшем случае, мой старший дедушка просто вызовет вас на небольшой спарринг. Ничего страшного. Он же не покалечит вас. Многие мечтают с ним помериться силами, да только возможности не имеют. О чём вы вообще думали?

Цзи Ичэн и Цзян Ян переглянулись: «Так мы как раз этого спарринга и боимся!»

Их взгляды на мгновение задержались на широких, мозолистых ладонях Линь Госюна, и по спинам пробежал холодок. Их тщедушные тельца не выдержат и одного его шлепка.

Линь Хань молча поднялся и вышел. Он с самого начала не собирался выносить эту историю на семейный суд. Судя по словам Цзян Яна, проблема была практически решена, слухи развеяны. Зачем тогда поднимать лишний шум?

Максимум, вечером он переговорит с отцом. Хотя, зная характер Линь Цзинли, тот и без его рассказа самое позднее завтра будет в курсе всех событий.

Даже если Цзян Ян с друзьями что-то не доделали, Линь Цзинли всегда поможет навести порядок. В конце концов, именно он стал первопричиной этого недоразумения. Кто, если не он, должен разбираться с последствиями?

А что до Фэйфэя... Ну подумаешь, малыш поиграл с другими детьми и позвонил дяде. Телефон для того и нужен, чтобы по нему звонить, верно? Почему другим можно, а Фэйфэю нельзя?

Линь Хань в этот момент без малейших угрызений совести демонстрировал чудеса двойных стандартов.

Вечером, поддавшись на уговоры Ян Юйин, Цзян Ян и его друзья остались ужинать в доме семьи Линь.

Проведя несколько часов в напряжении и каждые пару десятков минут бросая опасливые взгляды на руки Линь Госюна, Цзян Ян и Цзи Ичэн наконец смогли расслабиться, убедившись, что Линь Хань действительно не собирается на них жаловаться.

— Ханьцзы, ты настоящий друг, — с улыбкой сказал Цзи Ичэн, обнимая Линь Ханя за шею, чувствуя, что гора свалилась с плеч.

— Отстань, — фыркнул Линь Хань, стряхивая его руку.

После ужина сытые и довольные друзья бесцеремонно развалились на диване. Го Кай, полуприкрыв глаза, казалось, вот-вот уснёт, но вдруг неожиданно произнёс:

— Сяо Хань, тебе повезло больше, чем мне.

Когда-то, казалось ему, у него тоже был такой тёплый дом.

Влияет ли семейная обстановка на развитие ребёнка?

Невозможно отрицать, что в переходный период семейная обстановка оказывает огромное влияние. Хорошая семья — это якорь и тихая гавань.

Плохая же семейная среда делает и без того раздражительного и склонного к крайностям подростка ещё более озлобленным и резким.

Хотя его собственный переходный период уже миновал, каждый раз, возвращаясь домой, он чувствовал, как внутри закипает ярость. Если бы не упрямое желание жить, нежелание сдаваться и умирать вот так, он бы давно уже накормил крысиным ядом и отца, и ту женщину.

Он не мог видеть их вместе, не мог смириться с тем, что в собственном доме он, единственный родной сын, стал чужим.

Позже у него созрел план: месть. «Ты ведь любишь ту женщину? Любишь её настолько, что готов был изменить, развестись и даже отказаться от опеки надо мной, лишь бы жениться на ней? Однажды я собственными руками разлучу вас. И однажды я услышу твоё раскаяние, отец. Ради своей любимой женщины, ради того, чтобы остаться с ней, ты будешь умолять меня, мой дорогой папа».

А до тех пор ему нужно было выжить.

Фэйфэй, сидевший на полу с котёнком на руках, вдруг посмотрел в сторону Го Кая. В его больших, влажных глазах мелькнуло недоумение.

Этот старший брат выглядел таким грустным. Но разве он не спит? Разве во сне тоже можно грустить?

С тех пор как его напугали те ходячие сгустки тумана, малыш старался не смотреть на людей таким образом.

Фэйфэй ничего не понимал, но его мягкое от природы сердце не позволило ему остаться в стороне. Он поднялся и, переваливаясь, пошёл к старшему брату, который, как ему казалось, очень грустил.

Го Кай, произнеся ту фразу, снова замолчал. В камине весело плясало оранжево-красное пламя, создавая уютную, сонную атмосферу. Он действительно начал засыпать.

Едва он закрыл глаза, как почувствовал, что ему в руки вложили что-то пушистое и невероятно мягкое.

Он шевельнул пальцами и открыл глаза. Перед ним стоял маленький мальчик, который осторожно передавал ему в руки котёнка.

Заметив его взгляд, малыш не забыл напутствовать:

— Братик, осторожно с котиком. Нежно, обними его.

Го Кай не успел ничего сообразить, а маленький котёнок в его руках уже нагло полез вверх по рукаву, пытаясь вскарабкаться на него. Четыре коротенькие лапки дрожали, а пушистый хвостик вилял из стороны в сторону.

— Братик, обними, — Фэйфэй просил Го Кая обнять котёнка, но тот, видимо, спросонья не так его понял. Он посмотрел на котёнка, потом на Фэйфэя и, решительно, одной рукой придерживая котёнка, другой подхватил самого малыша.

Го Кай подумал, что этот младший брат Линь Ханя слишком уж любит ласкаться. Но его милое личико и блестящие глаза, смотрящие на тебя, не оставляли ни единого шанса на отказ.

Теперь в левой руке у него был котёнок, а в правой — Фэйфэй. Цзян Яну со стороны казалось, что он — настоящий победитель по жизни.

Го Кай же впал в задумчивость. Обнимая Фэйфэя, он вдруг вспомнил, что в тот год, когда отец подал на развод, его мать была беременна. Он как-то видел, как она с нежностью гладила свой живот, а на столе лежал больничный лист. Мать не стала сразу говорить отцу — через несколько дней у него был день рождения, и она хотела сделать ему сюрприз.

Го Кай тогда тоже был рад, искренне рад. Он давно мечтал о младшем братике или сестрёнке. Поэтому он не сказал матери, что всё знает, а вместе с ней ждал дня рождения отца.

Но вместо праздника их ждал бракоразводный договор.

Его брат или сестра так и не получили шанса увидеть этот мир. Неизвестно, к несчастью это

или к счастью.

Если бы тот ребёнок родился, он был бы всего на год или два старше малыша на его руках. Учитывая его дружбу с Линь Ханем, возможно, их дети тоже стали бы хорошими друзьями.

Пока он думал об этом, рука малыша коснулась его щеки. Фэйфэй, сам ещё ребёнок, принялся утешать его, как другого малыша:

— Не плачь, братик, хороший. Не плачь.

На его пухлом, нежном личике застыло серьёзное выражение, и он старательно утешал Го Кая.

Го Кай опустил котёнка на диван и провёл рукой по своему лицу.

— Я не плачу, — с ноткой беспомощности в голосе сказал он.

Малыш был так серьёзен, что он на мгновение подумал, а не расплакался ли он и вправду от переизбытка чувств, сам того не заметив. Но по его характеру, он давно уже не плакал из-за таких вещей.

Однако малыш, то ли не расслышав, то ли не поверив, серьёзно покачал головой, настаивая на своём. Он даже попытался завести свои ручки-сардельки ему за спину, чтобы похлопать по ней, как это делал его папа, когда утешал его.

Но ручки оказались слишком короткими. Тогда он, найдя выход из положения, обнял его за шею и похлопал по затылку.

При этом он что-то бормотал себе под нос:

— Братик, хороший, не плачь. Фэйфэй похлопает, и грусть улетит.

Наивные, детские движения и нежный, лепечущий голосок привлекли внимание Цзян Яна и остальных. Их взгляды так и говорили: «Надо же, Кай, а ты у нас, оказывается, плакса! Неужели растрогался?»

Го Кай и представить не мог, что за свои неполные двадцать лет станет жертвой «газлайтинга» со стороны трёхлетнего ребёнка. И ведь не объяснишь ничего!

Но как только малыш отвлек его, на душе и вправду стало легче. Даже если все думали, что он тайком утирал слёзы, и его пришлось утешать ребёнка, он чувствовал лишь лёгкую беспомощность.

Видя, что Фэйфэй всё ещё серьёзно его утешает, Го Кай, под пристальными взглядами друзей, вздохнул и подыграл:

— Хорошо, я больше не плачу. Спасибо, что утешил меня, Фэйфэй.

— Не за что, братик, — малыш перестал его похлопывать и серьёзно ответил. Потом он полез в свой кармашек, достал несколько конфет и протянул Го Каю: — Братик, съешь конфетку.

Ну вот, теперь полный набор: сначала утешения, потом похлопывания, а в конце — конфетка. Всё как с настоящим ребёнком.

Го Кай подумал, что ему сейчас хочется не конфет, а потискать этого малыша за щёчки! Потискать так, чтобы он больше никогда не смел никого «газлайтить»!

Пока Го Кай пребывал в растерянности, Линь Хань с друзьями уже готовы были отпустить пару шуток, но тут за окном мелькнул свет фар. Не одной машины, а нескольких.

Сегодня был первый день Нового года. Кроме Линь Цзинли, который утром заезжал на ежегодное собрание, и Цзи Ичэна, Го Кая и Цзян Яна, которые и так редко бывали дома, никто обычно в это время не приезжал в гости.

— Это мой отец, — присмотревшись к номерам, сказал Линь И. — А за ним — машины второго дяди.

Линь Ци и Линь Линь удивились. Разве они не уехали, чтобы подготовиться к праздникам? Не прошло и дня, а они уже вернулись.

Линь Юаньсун, самый младший из поколения Линь Цзинли и единственный неженатый, первым припарковался и вошёл в гостиную. Заметив, что все взгляды устремлены на него, он смущённо кашлянул, потёр нос и, наконец, сказал, обращаясь к Линь Гошэну:

— У... у меня там свет отключили. Сказали, не скоро починят. Вот я и приехал к вам, дядя, попроситься на ночлег.

Едва он договорил, как вошли Линь Юйшо и Цуй Сюань с Линь Яо на руках. Он и Линь Юаньсун были родными братьями и жили по соседству, поэтому приехали вместе.

Сначала он поздоровался с отцом, Линь Гохуном, и дядями, а затем, словно подтверждая слова брата об отключении электричества, сказал:

— Дома проводка полетела. К тому же Яояо, вернувшись, всё время плакал и просился к Фэйфэю. Пришлось снова вас беспокоить, дядя. — Линь Юйшо держался гораздо увереннее

своего младшего брата.

— В доме есть резервное питание и генератор в подвале, — вставил Линь Гохун, выбивая почву из-под ног у сына.

Линь Юйшо, услышав это, сделал вид, что только что вспомнил.

— Ах да, точно, — искренне произнёс он, обращаясь к отцу. — Прости, я забыл. Но уже поздно, возвращаться и возиться со всем этим — до утра не управимся. Яоя ещё маленький, боюсь, заболит от таких переездов.

Маленький Линь Яо уже не слушал, о чём говорит его отец. Увидев Фэйфэя, он захлопал в ладоши и попросил маму отнести его к нему, лепеча:

— Братик, братик!

Фэйфэй тоже обрадовался, увидев Яоя. Он слез с колен Го Кая и взял его за руку. Малыш, которого только что спустили на пол, сиял от счастья и, держа Фэйфэя за руку, раскачивался из стороны в сторону.

— Братик, я скучал по братику, — Яоя не скрывал своих чувств и тут же чмокнул Фэйфэя в щёку.

Фэйфэй повёл Линь Яо показывать своего котёнка, приговаривая:

— Дядя подарил мне маленького котика, он такой милый. Его шерстка мягкая-мягкая, и он совсем крошечный. Яоя, хочешь посмотреть?

Линь Яо, когда был рядом со своим братиком Фэйфэем, радовался всему.

— Хочу! — улыбнулся он во весь рот.

Фэйфэй подвёл его к котёнку и, взяв его ручку, осторожно провёл ею по спинке маленького рыжика.

— Котёнок очень маленький, гладить нужно нежно. Нельзя сильно давить, а то ему будет больно, понял? — наставлял он.

Линь Яо кивнул.

— Понял. Яоя будет осторожен с котиком.

Линь Гохун смотрел на них с умилением и сказал Линь Гошэну:

— Посмотри на этих малышей. Фэйфэй сам ещё кроха, а уже так хорошо справляется с ролью старшего брата.

Линь Гошэн согласно кивнул.

Пока они разговаривали, в дом вошли последние приехавшие — Линь Тяньюань и Линь Юйцин с жёнами. У Линь Тяньюаня, чьё мужественное лицо было точной копией отцовского, кончик носа покраснел от холода. Войдя, он выдохнул облачко пара и без всяких церемоний сказал:

— Ну и холод на улице! Машина сломалась посреди дороги, чуть не замёрз до смерти. Вы пока болтайте, а я пойду приму душ. Комната, где я останавливался, ведь свободна?

С этими словами он, схватив свой чемодан, направился наверх. Судя по размеру багажа, он приехал не на один-два дня.

Линь Гошэн не стал его останавливать и с улыбкой обратился к стоявшему рядом Линь Юйцину:

— Юйцин, а у вас что, тоже свет отключили?

Линь Юйцин выглядел удивлённым. Он приехал вместе со старшим братом, но с третьей ветвью семьи — Линь Юйшо и Линь Юаньсуном — они не сговаривались. Это было чистое совпадение.

Сделав вид, что не понял намёка Линь Гошэна, он с сокрушённым видом произнёс:

— Ах, дядя, и не говорите. Наверное, трубы в доме уже старые, у нас с братом в спальнях протечка. В праздники ремонтников не найти. Мы с братом и невесткой кое-как заткнули течь и приехали к вам за помощью.

Закончив, он скорчил такое же скорбное лицо, как и Линь Юйшо, словно они были товарищами по несчастью. Казалось, если Линь Гошэн их не приютит, они тотчас окажутся на улице.